

© 2010 г. В.А. Лазарев

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ
ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ: АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИПЫ
ОПИСАНИЯ**

Рассматриваются грамматические формы с точки зрения идей антропоцентризма. Актуализируются вопросы морфологии в рамках современных научных парадигм, что позволяет существенно дополнить традиционные грамматические теории.

Ключевые слова: антропоцентрический подход, грамматические формы, морфологическая проблематика, шифтерные/нешифтерные категории.

Антропоцентрический подход, будучи яркой приметой лингвистики конца XX в., воплощает глубокую традицию европейского языкознания. Непосредственные истоки современного антропоцентрического подхода относятся к 50-м гг. XX в., когда в работах Э.Бенвениста был вычленен и описан существующий в разных языках класс делокутивных глаголов, означаемое (денотат) которых существует именно в тот момент и ровно столько времени, сколько длится произносимое сообщение. Поиски сходных семиотических свойств (совпадение по времени означающего и означаемого) в других классах языковых элементов позволили присоединить к анализу личные местоимения первого лица. В то же время, очевидно, что антропоцентризм в лингвистике не есть порождение XX в.: крупнейшие филологи XIX в. настаивали на центральной роли языкознания для всех наук о человеке. Это связано, прежде всего, с тем, что язык является основным средством описания и познания внешнего мира и психики самого человека. Есть все основания утверждать, что антропоцентрический и культурологический подходы к языку и в XXI в. останутся основополагающими. Однако грамматика и сегодня, когда антропоцентризм в языке и, следовательно, в языковой теории признается важнейшим научным постулатом, нередко видится имманентным образованием, мало связанным с

экстралингвистическими условиями, а «...почтенный возраст устойчивых грамматических представлений, воспроизводимых бесконечно из учебника в учебник, укрепляет их авторитетность и исключает допустимость каких бы то ни было сомнений» [1, с. 14-15]. Однако все более настойчиво пробивает себе дорогу осознание того, что «...семантические и прагматические отношения в языке есть инобытие социальных отношений, а лексико-синтаксические структуры запечатлевают психику человеческих сообществ» [2, с. 14].

Грамматические формы и особенности их функционирования в значительной степени мотивированы социокультурным и историческим опытом носителей языка. Антропоцентрический принцип в современном языкознании традиционно распространяется на область лексики; давние традиции имеет антропоцентрический подход к анализу художественного текста, таких его элементов, как антропоцентрическая метафора. И гораздо реже антропоцентризм, связанный с рассмотрением языка в диаде «язык и человек», распространяется на материал грамматических категорий. Между тем, «возникновение парадигм и их эволюция суть факты, связанные с общими загадками антропоцентрической ориентации языка, точнее, его существования» [3, с. 9]. Антропоцентрический подход, как «научная мегапарадигма», по отношению к которой остальные языковедческие парадигмы выступают в качестве более частных, позволяет объяснить многие факты (на первый взгляд – парадоксальные) в функционировании грамматических форм. Язык в целом не может быть причислен к объектам «внешнего наблюдения», познание которых достигается построением адекватной теории: генетически система языка связана с видением мира человеком, а в синхронии на выбор грамматических (морфологических) единиц оказывают влияние встроенные в язык (речь) параметры внутреннего мира адресата.

Описание грамматических категорий находится на пересечении интересов двух разделов лингвистики: с одной стороны – морфологии (постольку, поскольку в языках мира грамматические значения выражаются морфологическими показателями), а с другой – семантики (ибо грамматические значения это именно значения, которые участвуют в описании окружающей человека действительности). Морфология считается наиболее исследованной областью языка, тем не менее говорить об исчерпанности морфологической проблематики неправомерно: рассмотрение вопросов морфологии в рамках

современных научных парадигм – антропоцентрической и лингвокультурологической – позволяет существенно дополнить традиционные грамматические теории. Во многих случаях последовательное применение антропоцентрического подхода приводит к более точному описанию, казалось бы, уже точно установленных и хорошо изученных традиционных морфологических категорий. Глубоко антропоцентричны не только шифтерные категории (время), но и нешифтерные (род, число). Такая макрокатегория культуры, как восприятие времени, имеет и грамматические проекции (ср. роль форм будущего времени в «языке левых» и – шире – вообще в политическом дискурсе).

Важным способом постижения грамматической системы языка является исследование морфологических категорий в лингвопрагматическом и культурном контекстах. Связь национальной ментальности с внутренними особенностями языка стремились установить многие исследователи. В XIX в. акад. С.П. Шевырев так прокомментировал наличие категории вида в русском языке: «Наш глагол имеет виды; они трудны не только для иностранцев, но и для русских и даже для самих грамматиков, которые до сих пор не совершенно определили их значение. Виды выражают возможность или сократить действие в одну секунду времени, или растянуть его на самое большое пространство, или, наконец, выразить его несовершенно и совершенно. <...> Не выражается ли в этой возможности сокращать и растягивать действие времени то свойство русского народа, по которому он сокращает иногда века в десятки лет, годы в месяцы, месяцы в дни и дни в мгновения; ленится и растягивает время свое, не дорожа им, а потом пробуждается вдруг и действует; сидит сиднем 30 лет, как Илья Муромец, и внезапно встает богатырем, готовым на всякое славное дело?» Ср., как С.П. Шевырев объясняет экспрессивную форму повелительного наклонения: «Есть еще особенный способ отдавать приказание посредством прошедшего совершенного: русский человек говорит: Пошел! Его воля так сильно выражается, что он желал бы, чтобы приказание его перешло в прошедшее в тот самый миг, как он отдает его» (Ратников, К.В. Идеологическая интерпретация истории русского языка // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Материалы Международной научной конференции. Вып. 1. Ростов н/Д., 2007).

Как пишет В.И. Карасик [4], ряд грамматических категорий английского языка – как модальность в ее обширном диапазоне некатегорияности, видо-

временные формы глагола (континуальность и перфектность), а также наличие артикля – имеют связь с некоторыми чертами языкового поведения англичан (например, обостренное понимание состояния «здесь» и «сейчас» в противоположность значению «вообще и регулярно», указательность и отношение к классу) в отличие от языкового поведения русских. Можно утверждать, что отдельные типовые ситуации, связанные с предпочтительным выражением идеи именно такой грамматической формой, могут рассматриваться как культурно-специфические по сравнению с иным способом грамматического выражения. Ср.: He is much spoken about – People speak much about him. Второе предложение грамматически верно, но может рассматриваться только как потенциальная форма для выражения той идеи, которая нормально вербализуется в первом предложении. И если для структурной лингвистики разница заключается только в способах передачи общего понятийного содержания (глубинной семантики), то с точки зрения лингвокультурологии важно, что для английской лингвокультуры первое предложение более соответствует английской языковой манере.

Национально специфичной может быть и так называемая суперкатегория, которая реализуется с опорой на несколько различных частей речи, например суперкатегория определенности/неопределенности в английском языке. Она реализуется с помощью артикля: определенный артикль служит для тематизации обозначаемой сущности (предмета, качества, события), то есть представления этой сущности как известной участникам сообщения. И наряду с этим выделяется особый вид действия, происходящего в данный момент на наших глазах – континуальный вид. Следовательно, в английском языке существует суперкатегория определенности, распространяющаяся на именное и глагольное обозначение действительности. Поскольку в других языках эта категория может быть менее развернутой (опирается только на артикль, как в немецком языке) или не представленной формально (русский язык), такая максимальная представленность свидетельствует о приоритетности этого признака именно для английской лингвокультуры. В.И. Карасик объясняет указанное обстоятельство тем, что английский стиль общения резко смещен в сторону актуализации активности адресата в процессе общения: адресат в англоязычном общении постоянно должен держать в поле зрения информацию о том, что нечто происходит именно здесь и сейчас, а не вообще (отсюда

и внимание к обозначению времени, к ощущению времени). «...англичанин на каждом шагу подчеркивает свое отношение к тому, что происходит, и определяет релевантность происходящего в терминах определенности/неопределенности, значимости для данного момента» [4, с. 175], отсюда – детальная разработанность модальных оттенков, определяющих позицию говорящего по отношению к миру, с одной стороны, и детальная характеристика фактуальности/нефактуальности происходящего. Для русского менталитета, напротив, гораздо важнее подчеркнуть то, как разворачивается действие (отсюда имперсональность и детальная морфологическая дифференциация аспектуальных оттенков глагольного действия). В грамматике отражается, пусть и опосредованно, опыт человеческого сообщества, в то же время сам язык оказывает влияние на социум, который им пользуется.

В морфологических формах ярко проявляется асимметричность языкового знака. Вариативность в грамматике естественна как отражение адаптивного характера языка. Варианты репрезентации морфологических категорий имеют значимостный потенциал: коннотативные, функционально-стилистические и прагматические особенности. Функциональное расслоение грамматики не отрицает прагматической амбивалентности морфологических форм, которые, как правило, приобретают коннотационные значения только в контекстных условиях, в том числе и в широком «контексте ситуации». Вычленение прагматического компонента стало возможным при утверждении интегрального понимания языкового значения как бесконечно сложной структуры, включающей в себя не только понятийное содержание, но и весь комплекс добавочных смыслов – экстралингвистических сведений, разного рода ассоциаций и коннотативных приращений. Представление о столь же сложной, отчасти избыточной структуре грамматического значения стало формироваться в связи с изучением интенциональности в грамматике (школа А.В. Бондарко и его последователей). Грамматический код участвует в вербализации концептуальных смыслов, конструирует содержание таких концептов, как время, количество, свои/чужие, мелиоративность/пейоративность. Допущение возможности появления новых элементов значения в разных позициях, обусловленных системным взаимодействием грамматической формы и контекста, позволит осознать причины разнообразия «частных» грамматических значений. Появление системных приращений смыслов можно прогно-

зировать, так как можно описать контексты, их вызывающие и определяющие. Так, связи значения разнородности (сортности) с социальной практикой было установлено еще античными грамматиками, в частности – в грамматике Варрона: «Если у тех вещей, которым по природе присуща мера, а не число, есть несколько разновидностей, которые имеют практическое применение, они называются вследствие множественности разновидностей так, как *vīna* и *ungenta* (вина, мази). Ведь одного рода вино с Хиоса, другого – с Лесбоса, также и из других местностей... Точно так же, если бы на практике были известны существенные различия в масле, в уксусе и в других вещах подобного рода, то говорилось бы *olea*, как говорится *vīna*» [5, с. 96]. Авторы грамматики Пор-Рояля А. Арно и К. Лансло объясняют отсутствие множественного числа у слов типа железо, серебро, золото следующим образом: «из-за большого сходства между частицами металлов каждый из этих металлов обычно рассматривается не как род, включающий множество отдельных предметов, а как целое, которое только состоит из нескольких частей» [6, с. 35].

Активизацию форм множественного числа у вещественных существительных исследователи русского языка новейшего времени квалифицируют как «знак времени – «товарное изобилие» Ср.: «Форма множественного числа (от вещественных существительных) «на слуху» тогда, когда она обозначает вещество или материал, часто встречающиеся в ситуации выбора из ряда подобных» [7, с. 140]. Понятно, что чем глубже проникает мысль в суть умопостигаемого объекта или чем больше разновидностей вещества и материала становятся достоянием общего пользования, тем легче будут образовываться формы множественного числа. Сингулярными останутся только название низших групп подвидов. К суперкатегориям, которые находят отражение во многих языках, может быть отнесен гендер (в широком понимании термина). Гендер как продукт культуры проявляется на всех уровнях языковой системы, глубоко пронизывает как денотативное, так и коннотативное (прагматическое) содержание грамматических форм. Анализ типологии родовых систем, доказывающий глубокую мотивированность рода древнейшими представлениями, осуществлен в работе Г.Г. Корбетта [8]. Так, в распределении существительных по родам в ряде языков существенную роль играет мифологический принцип: если денотат имеет важную роль в мифологии, то род соответствующего существительного определяется по этой роли. Например, существует миф, со-

гласно которому после смерти женщины ее душа становится птицей. Поэтому большинство названий птиц в языке дирбал (язык северо-восточной части Куинсланда в Австралии) относится к женскому (второму) роду. Вообще именные классы в этом языке на первый взгляд кажутся лишенными системности: к первому классу относятся мужчины, кенгуру, опоссумы, летучие мыши, большинство змей, большинство рыб, некоторые птицы, большинство насекомых, луна, штормы, радуга, бумеранги, некоторые копыя и т.д.; ко второму классу относятся женщины, собака, большинство птиц, некоторые змеи, некоторые рыбы, скорпион, солнце и звезды, щиты, некоторые копыя, некоторые деревья и т.д.; к третьему классу – мед, все съедобные фрукты и овощи, и соответствующие растения; к четвертому – части тела, мясо, пчелы, ветер, заостренные палки, копыя, трава, грязь, камни и т.д. Такую систему можно понять только учитывая мировоззрение говорящих.

В алголкинских языках (северная часть США и южная часть Канады) есть два рода – одушевленный и неодушевленный. В большинстве случаев, если существительное обозначает лицо, животное, духа или дерево, то оно относится к одушевленному роду, а остальные существительные – к неодушевленному роду. Однако существует значительная группа исключений (например, в языке оджибва: *eko:n* ‘снег’, *epank* ‘звезда’, *meskomin* ‘малина’ – это существительные одушевленные). Антропологи (М. Блек-Роджерс и др.) предлагают следующую теорию. В мировоззрении этих народов самое главное – мощь. Всякое живое существо имеет свою долю мощи, в разных количествах. Люди должны приобретать мощь от источников в природе. Но нет единого мнения о том, какие предметы действительно есть источники мощи, и тем более – какие самые сильные. К тому же об этом обычно не говорят, чтобы не обидеть действительно могущественные силы. Таким образом, распределение по родовым классам зависит не от одушевленности, а от мощи: названия могущественных существ относят к первому роду [8, с. 24].

Интересно, что в английском языке, где род передается главным образом с помощью личных местоимений, существует традиция, согласно которой водители о своей машине и матросы о своем корабле говорят не иначе как с помощью местоимения *she* (то есть говорят как о существе женского пола). В работе Н.А. Гришина [9] приводятся многочисленные свидетельства того, что в английском языке названия всех видов кораблей, вплоть до самых

современных, даже в устах ребенка несовместимо с местоимением *it*. Дело в том, что Великобритания контролировала территорию, в 140 раз превышающую собственную (1/5 земного шара), и морской флот был основой могущества и благополучия. Отсюда уважение к морю, морской службе и восприятие корабля в качестве части Родины, дома. Ср.:

*The Gloria Scott had been in the Chinese tea trade, but **she** was an old-fashioned, heavy-bowed, broad-beamed craft, and the new clippers had cut **her** out. **She** was a five-hundred-ton boat; and besides **her** thirty-eight jail-birds, **she** carried twenty-six of a crew, eighteen soldiers, a captain, three mates, a doctor, a chaplain, and four warders* (A. Conan Doyle The “Gloria Scott”).

Г.А. Вейхман [10] делает такое важное уточнение «...о транспортных средствах говорят *she*. Однако, если транспортное средство принадлежит женщине, она нередко говорит о нем *he*. *She* используется главным образом в речи мужчин применительно не только к транспортным средствам, но вообще к объектам и средствам трудовой деятельности. Например, лесоруб о дереве:

She's about to fall.

Исключение составляет компьютер: о нем говорят *he*.

Отражение количественных параметров мира в сознании человека носит активный характер и зависит отнюдь не только от отражаемой реальности, но и от самого субъекта отражения – от его интенций, целей, эмоций. В результате один и тот же фрагмент реальной действительности может передаваться как с помощью стандартных числовых форм, так и с помощью транспозитивных, эмфатических. С помощью числовых форм адресант «встраивается» в речь, выступает в качестве своеобразной точки пересечения субъекта и объекта, «приспосабливает» объект номинации к своему видению фрагмента действительности. «Встроенность» адресанта в речь эксплицируется числовыми формами, в которых заложена определенная интерпретация количественной ситуации (в семантику оценочных числовых форм субъект речи встроен в виде своих нормативных представлений). Адекватное понимание природы и функционирования грамматических (морфологических) категорий может быть достигнуто при обращении к параметрам структуры и содержания дискурса. Дискурсивная трактовка категорий рода и числа позволяет объяснить многие случаи использования морфологической формы, когда утрачивается связь с исходной семантической функцией категории и суще-

ственной остается только эмфатическое выделение. Антропоцентрическая переориентация лингвистики позволяет существенным образом изменить традиционные представления о морфологических категориях, анализируемых с позиций «укрупнения грамматики». Принцип антропоцентризма является одним из оснований процесса «укрупнения грамматики», так как объединение различных языковых категорий в рамках «суперкатегории» происходит в конечном счете на основе того, что эти категории именно так группируются в языковом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Золотова Г.А.* О возможностях грамматической науки // Вопросы языкознания. 2006. № 3.
2. *Рахманин В.С.* Социальные проблемы языка в современном мире // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001.
3. *Николаева Т.М.* Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих» частиц») М., 2008.
4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
5. Античные теории языка и стиля. М., 1936.
6. *Арно А., Лансло К.* Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля). Л., 1991.
7. *Ляшевская О.Н.* Семантика русского числа. М., 2004.
8. *Корбетт Г.Г.* Типология родовых систем // Вопросы языкознания, 1992, № 3.
9. *Гришина Н.А.* Категориальный признак рода в языковой семантике. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996.
10. *Вейхман Г.А.* Новое в грамматике современного английского языка. М., 2006.

Педагогический институт

Южного федерального университета

3 марта 2010 г.